

Текст · 23 июля 2021, 09:00

Антон Пустовалов,

Курши нет. История сгоревшей мещерской деревни, из которой вместо людей эвакуировали бревна

Литовский путешественник, автогонщик и исследователь сталинских репрессий Антон Пустовалов нашел в рязанской Мещере место, где стояла Курша-2 — лесной поселок, который сгорел вместе с жителями в 1936 году.

Неподалеку от Спас-Клепиков в рязанской Мещере есть небольшой городок Тума: красивая ампи́рная церковь, музей узкоколейки, которая не действует уже больше десяти лет, и своя история, за пределами района почти никому не известная. В 1936 году на тумском лесопроизводстве в поселке Курша произошел страшный пожар, в котором погибли больше тысячи человек. Я попытался разыскать все, что писали про этот пожар; выяснилось, что писали не так уж много. Собственное расследование проводила рязанская редакция «Комсомольской правды», несколько раз пожар упоминали путешественники, переписывая статью из «Википедии». Я попробовал разобраться в этой истории самостоятельно, и вот что получилось.

Своим появлением Мещерская узкоколейка^[1] обязана лесному пожару. В 1893 году в окрестностях села Криуша прошел большой низовой пожар, и правительство объявило торги поврежденным лесом по 10 копеек за квадратную сажень^[2]. Сначала

горелый лес расчищали при помощи лошадей, но скоро стало ясно, что вывезти такое количество древесины гужевым транспортом невозможно; так и появился проект Рязанско-Тумской узкоколейной железной дороги, строительство которой поручили Московскому обществу для сооружения и эксплуатации подъездных путей.

Кто такие куршаки

История села Курша связана с выходцами из Великого княжества Литовского. В качестве погоста^[3] Курша упоминается в 1620-1630 годах, но люди поселились здесь куда раньше — их называли куршаками, «литвой головастой» и «литвой некрещеной».

Рязанский историк Борис Горбунов писал, что это были потомки пленных воинов, захваченных во время одной из литовско-московских войн. Ему вторила Ирина Красногорская в статье «Тайна куршацкого народа», опубликованной в газете «Новая Мещера» в 1991 году.

Литовские историки предполагают, что куршаки — это свита, в конце XIV века отправленная в Рязанское княжество с Евфросиньей, дочерью великого князя Литовского Ольгерда, которая вышла замуж за князя Рязанского Олега.

Так или иначе, все исследователи, включая этнографа Наталью Лебедеву, связывают жителей средневековой Курши с одноименной балтийской народностью. Отголоски ее названия слышны в

таких топонимах, как Куршская коса, Курляндия и Курземе.

Рабочий поселок Курша-2 основали на лесозаготовках в нескольких километрах от старого села Курша в 1924 году. В 1927 сюда протянули ветку узкоколейки — чтобы вывозить лес. К началу 1936 года в Курше-2 жили больше тысячи человек. В поселке была железнодорожная станция, электрическая лесопилка, деревообрабатывающее предприятие, школа, магазин, медпункт и только что построенный Дом культуры, который планировали открыть 7 ноября.

Лето 1936 года выдалось рекордно жарким. К концу июля температура воздуха достигала 37°. Из райцентра поступали распоряжения проверить пожарное оборудование, пахло дымом от горящих торфяников, горел лес в районе поселка Лесомашинный.

Непосредственной причиной пожара считается искра от паровоза, упавшая в поселке Чарус. Возгорание возникло 1 августа, огонь сразу локализовать не удалось, и к вечеру 2 августа горело уже около 1 000 гектаров леса. Справиться с пожаром самостоятельно в Курше-2 не могли. В тот же день в поселок пришел очередной грузовой состав из Тумы — вывозить заготовленную древесину. Поездная бригада предлагала забрать из Курши женщин и детей, но диспетчер распорядился отогнать вагоны в тупик и начать погрузку леса.

Иллюстрация: Варвара Недеогло / Медиазона

Лидия Смирнова, одна из выживших в катастрофе, в интервью «Новой Мещере» вспоминала: *«Утром 3 августа из Тумы поступила телефонограмма — принять меры по эвакуации нетрудоспособного населения. Однако с эвакуацией произошла задержка, поезд стоял на погрузке и на станцию прибыл только к обеду. Вагоны были загружены кругляком так, что были прогалы, в которые и усаживали людей. Несмотря на попытки остановить состав, понимая, что дороги уже может не быть, поезд все же тронулся. В тот момент, когда состав отходил от станции, огонь уже вплотную подобрался к поселку. В тот день было ветрено, и низовой пожар перешел в верховой. Скорость пожара 30 км/ч (около километра за две минуты). Прошло всего несколько минут, как поезд добрался до одного из мостков через реку Кадь. Мост к тому моменту уже горел и, не выдержав веса груженого состава, рухнул под паровозом, после чего состав сошел с путей. Часть людей оказались зажатыми бревнами и погибли на месте, многие кинулись убежать от огня или пытались укрыться в придорожной канаве — их огонь достиг буквально в 200 метрах от места аварии. Выжить удалось лишь тем, кто побежал навстречу огню и, несмотря на ожоги, сумел проскочить через огненную стену. Остальные же задохнулись и сгорели заживо».* Из тех, кто отправился на поезде в Туму, уцелели 29 человек.

В поселке тем временем люди искали спасения от огня. Согласно воспоминаниям Ираиды Руновой, кто-то закапывался в песок, обернувшись мокрым полотенцем, кто-то нырял в пруд и пережидал на небольшом островке посередине, другие укрывались во рвах и выгребных ямах. Те, кто прыгал в колодцы, погибли — их засыпало обвалившимися срубами. После пожара в поселке уцелел только магазин. К вечеру полоса огня растянулась на 40 километров в

длину и на 20 в ширину. В Курше-2 выжили 78 человек, 75 из которых получили ожоги. Уцелевших собрали в деревне Верея.

Пожар закончился так же быстро, как и начался. В ночь на 4 августа пошли сильные дожди, стих ветер, а пожар достиг полей. К 6 августа горело лишь несколько торфяников, на тушение которых прислали красноармейцев. Некоторые очаги тлели до весеннего половодья.

Газета «Новая Мещера» наутро выпустила небольшую заметку, в которой говорилось, что погибли 250 человек. Чуть позже, 16 августа, на заседании парткома объявили о 313 погибших. По данным архивов ЗАГС Московской области^[4], из числа жителей Курши погибло 264 человека. Точное число жертв неизвестно — на лесозаготовках кроме вольных из соседних деревень работали репрессированные. Я направил запрос в УФСБ по Рязанской области с просьбой уточнить, сколько заключенных находилось на момент пожара в Курше и окрестностях, и получил ответ, что такими данными спецслужба не располагает.

Но руководитель рязанского «Мемориала»^[5] Андрей Блинушов подсказал, что в архиве правозащитной организации есть справки ОГПУ и ВКП(б) по Тумскому району. Согласно этим документам, на лесозаготовках здесь широко использовался принудительный труд священнослужителей и верующих.

Вот что писал в оперсводке начальник Рязокротдела ОГПУ Извеков^[6]: *«Ввиду переполнения пересылок (пересылочных тюрем) в Рязани, было принято решение оставлять кулаков и священнослужителей на местах для проведения работ на торфяниках и лесозаготовках»*-. Слова Извекова подтверждает и записка секретаря Тумского райкома партии Бегишева: *«Для нашего района характерным является выступление религиозного порядка; во всем остальном мы схожи с другими районами. События, о которых я расскажу, разыгались вокруг Тумской церкви, причем величайшая ошибка была допущена и с нашей стороны. На торжественном заседании, посвященном 12-й годовщине Красной Армии^[7], было вынесено постановление закрыть Тумскую церковь. (Меня там не было). Много выносилось на этот счет разных постановлений, но церковь оставалась открытой. Рабочие на собрании решили закрыть церковь. Нам, говорят, нечего ждать, мы сами закроем ее и поставим верующих перед совершившимся фактом. А церковь эта обслуживает 14 деревень, и из них только четыре вынесли решение о закрытии и вызвали другие деревни. Дополнительно совершена еще глупость; было на собрании объявлено — "завтра в 9 час. утра будем закрывать церковь, все приходите на закрытие". И "все" пришли: и кто хочет закрывать, и кто не хочет. Собралась толпа. Те, кто не хотели закрытия, остались около церкви шуметь, а те, кто были за закрытие, пошли в народный дом выбирать комиссию принять церковь. Последних в самой Туме было больше, но дело в том, что много недовольных стеклось из окрестных деревень. Верующие стали просить, чтобы в этот день дали служить попу. Поп вышел и сказал, что он служить не может. Публика разошлась. На следующий день договорились пона послать на лесозаготовки. (У него*

есть трудгужповинность, и в первую очередь она ложится на кулацкие элементы)».

Почему на лесозаготовках трудились не только священники, но и бывшие крестьяне из соседних деревень, объясняет циркуляр №612 от 30 января 1930 года, подписанный руководителями Рязанского округа^[8] Тимофеевым, Штродахом и Волковым:

«Цифры и темпы коллективизации округа за последние 10 дней "ни в коей мере" не достаточны, так как к 20 января коллективизировано только 21% хозяйств. Местным органам было "категорически предложено": "максимально развить темп работы", отбросить разговоры "еще успеем", "принять все меры и мобилизовать все силы", чтобы к первому марта 1930 г. вовлечь в колхозы не менее 75% хозяйств».

К 16 февраля 1930 года процент коллективизации по Тумскому району достиг 95% — в первую очередь за счет массового выселения «кулаков». По инструкции Рязанского окружкома, у зажиточных крестьян следовало изымать наделы, лошадей, дома и исправный инвентарь.

Но вернемся к истории пожара.

Вот как вспоминал его житель деревни Колтуки Григорий Ефимович Клейменов: *«Он несся по лесу со страшным ревом. И скорость его была такая, что убежать из леса в тот день мало кому удалось. Огонь накрыл косарей, грибников, лесорубов. Возчики леса, как потом оказалось, распрягли лошадей и пытались вскачь уйти от огня. Все живое погибло: коровы, лошади, лоси, мелкие звери и птицы. Караси сварились в лесных бочагах. Стена огня шла по борам с ревом и бешеной скоростью. Казалось, лес не горел, а*

взрывался. Вихри огня и черного дыма поднимались высоко вверх. Пожары от падавших сверху огненных "шапок" начинались в разных местах. Мне казалось тогда: весь мир занят огнем. Деревня наша, отделенная от леса болотцем и полосой поля, задыхалась в дыму. Из всех домов барахлишко выносили, ждали, вот-вот где-нибудь вспыхнет. Горела рожь, дымились сухие луга. Деревню пожар миновал — поле остановило огонь, он пошел лесом, влево от нас. И тут мы опомнились: а Курша? Она в трех километрах в лесу. Как раз через Куршу прошел огонь. Кинулись... Курши нет! Поселок лесорубов Куршу-2 огонь снес подчистую. А люди? Ведь каждый день по узкоколейке ходили поезда, сотнями кубов таскали к центральной магистрали лес. И в тот день на станции стоял очередной паровичок, ждал, когда его загрузят древесиной. Неужели нельзя было вместо сосновых стволов посадить на платформы людей, хотя бы женщин и детей, вывезти их подальше, пока опасность не минует? Оказалось, что нельзя! План должен быть выполнен. Оказывается, народное добро, это не люди, это — уже спиленные древесные стволы, и их надо спасать в первую очередь. Так сказал диспетчер станции — официальный представитель советской власти в поселке, и люди подчинились, и стали грузить платформы лесом. Когда даже до диспетчера дошло, что огонь идет прямо на поселок и его не остановить, было уже поздно. Женщины с малыми ребятами гроздьями полезли прямо на платформы с бревнами, поезд дал гудок, пошел, неторопливо набирая скорость, но по узкоколейке сильно не разгонишься, и огонь оказался быстрее. Когда паровик дошел до моста через реку, там уже все пылало. Машинист пытался проскочить мост, паровоз загорелся, пламя перекинулось на платформы с лесом...».

Иллюстрация: Варвара Недеогло / Медиазона

А вот воспоминания Ивана Алексеевича Кудряшева: *«Мы тогда в Иванково жили. По деревне сундуки свои в землю закапывали, боялись, что сюда пожар придет. Тетка — отцова сестра ходила с огнем бороться. Выбрались они уже из леса на култуковское поле, а навстречу начальство, говорят: "Что это все на пожар, а вы с пожара?". Вернулись они и сгорели».*

Аким Петрович Храпчиков в те дни работал на Воронцовском лесоучастке Тумского района, а его семья жила в Курше: *«Лето было сухое. Начались лесные пожары. Все были брошены на борьбу с огнем. К нам на помощь в то время прибыла воинская часть из Ковровского гарнизона. 3 августа был очень сильный ветер, который перекидывал огонь на десять метров вперед. Ну, а лес сухой — вспыхивал, как порох, и никакая сила не могла остановить огонь. Нам была дана команда вывозить все нетрудоспособное население с Воронцовского поселка на станцию Дубровка. В 12:00 мне передали телеграмму о том, что в пожаре на Курше сгорели все родные и родственники. С разрешения начальника я поехал в Куршу. Поселка не осталось, сгорело все. Я старался по обгоревшим трупам найти своих родных, но никого из них узнать было нельзя. От детей оставались одни кости. В этом пожаре на Курше сгорела моя мать Анна Николаевна, братишка Георгий семи лет, сестра Настя девяти лет, мой дед Николай Федотыч, бабушка Алена, жена брата моей матери с двумя детьми. Брат моей матери, Дмитрий Николаевич, сильно обгорел, которого я нашел в больнице*

"Снохино". У него обгорели все подошвы ног, обожжены руки, лицо, голова. Один год и шесть месяцев он пролежал в Москве в институте. Выздоровел».

Когда информация о пожаре в Курше дошла до Москвы, на место трагедии приехал Михаил Кульков^[9], заместитель Никиты Хрущева, на тот момент — секретаря Московского областного комитета ВКП(б). Кулькову поручили организацию похорон. Начался поиск добровольцев для похоронной команды. В Туме заказали 1 000 гробов, но они быстро закончились. В центре поселка у бывшего паровозного депо вырыли ров, а в помощь похоронной команде прислали бойцов Красной Армии. Для могильщиков привезли «бочку вина» — «пейте сколько влезет, только похороните людей»; мужики вылезали из рва, делали глоток-другой и спускались обратно. По окончании работ над братской могилой установили крест, в послевоенные годы крест заменили на железобетонный монумент, но после опустошительного пожара 2010 года от него остался лишь остов. На траурном митинге речь зачитал Хрущев. Пообщаться с погорельцами в Туму приезжал и Михаил Калинин.

Пострадавшие получили бесплатно по 35 кубометров^[10] древесины на восстановление жилья, однако вскоре власти одумались, и Тумский райисполком постановил *«обязать Тумский райлесхоз и райфо^[11] взыскать с колхозов и колхозников корневую стоимость бесплатно отпущенного леса в конце 1937 года»*.

Нельзя сказать, чтобы пожар, погубивший сотни человек, стал неожиданностью. Еще за шесть лет

до катастрофы областному начальству докладывали о постоянных возгораниях вдоль узкоколейки. Причина — пренебрежение к требованиям противопожарной безопасности при обслуживании паровозов. В информационной сводке №10 административного отдела Рязанского окрисполкома от 18 июня 1930 года говорилось: «*Секретно. Председателю Рязокрисполкома. С наступлением весеннего периода наблюдаются частые случаи пожаров около лесовозной ветки КУРША-ЧАРУС. Пожарами уничтожается пило-лесоматериал и дрова, принадлежащие Москвотопу Тумского района, а также и горит лесоматериал. (Экспорт.) Причина возникновения пожаров та, что паровозы ветки не предохранены в противопожарном отношении, как полагается, и отапливаются дровами, почему от искр проходящих паровозов и возникают пожары, которые за последнее время принесли убытки на 20 000 р. Горят и госфондовские леса. Администрация лесовозной ветки и ее хозяйственники мер никаких не принимают и о случившемся никого не ставят в известность. По данному случаю УРО было возбуждено уголовное дело по обвинению должностных лиц лесовозной ветки по ст. III УК^[12], но Райком в лице секретаря Бегишева предложил дело в уголовном порядке прекратить, и положение на ветке остается прежнее, отчего получают убытки».*

Известно, что после пожара в Курше перед судом предстали директор лесокомбината Гавриил Субботин, его заместитель Петр Закурдаев, а также технический руководитель, главный инженер, председатель Тумского райисполкома, секретарь райкома Бегишев и начальник лесоохраны; по

решению суда их перевели на другие участки работы с обязательством загладить вред^[13].

После войны поселок восстановили, правда, таких размеров, как прежде, он уже не имел. Железнодорожную ветку до Курши-2 разобрали в 1956 году. Здесь еще работали лесозаготовители, была пилорама, но после пожаров 1972 года поселок расформировали, а людей расселили — кого в соседние Колтуки, а кого в Ветчаны. Последние дома Курши-2 уничтожили лесные пожары 2010 года; тогда же погиб мемориал у въезда в поселок, сегодня от него сохранился лишь металлический остов.

3 августа 2011 года, в день 75-летия трагедии, в присутствии последней из живых свидетелей пожара Лидии Даниловны Смирновой (Абловой) на месте, где когда-то находилась Курша-2, был установлен памятный крест и мемориальная табличка.

Хотя обстоятельства пожара никогда не были засекречены, власти вспоминали катастрофу в Курше крайне неохотно. В центральной прессе о мещерской трагедии впервые написала «Комсомольская правда» — в 1970 году газета выпустила статью Василия Пескова «Лето было сухое».

Сегодня попасть в Куршу достаточно сложно. Единственный автобус ходит в Ветчаны (это примерно девять километров от Курши) из Тумы по четвергам, дальше — грунтовка, проходимая только на внедорожнике. Мне удалось оказаться здесь в начале ноября. Мы оставили автомобиль в Колтуках и пошли по лесной дороге в сторону урочища^[14]. На половине пути нам встретились егеря; убедившись,

что у нас с собой нет ни оружия, ни средств, при помощи которых можно было бы разжечь костер, они потеряли к нам интерес.

В паре километров от Колтуков становятся заметны следы пожара 2010 года. Проходим еще немного и видим обугленные стволы деревьев.

Первое, что встречает нас у погоста — остов старого памятника погибшим, разрушенная железобетонная пирамидка. Еще есть дорожный знак с перечеркнутым названием «Курша», его заказали рязанские активисты и внуки тех, кто помнил пожар 1936-го. Рядом — безымянная могила с яркими искусственными цветами: одна из последних жительниц Курши завещала похоронить ее на родине.

Это все, что осталось от бывшего поселка.

Библиография

Артур Берзин, Владимир Миронов, «Мещерская магистраль». Издательство «Посад», Владимир, 2005

Владимир Буракшаев, «Мещерская узкоколейка». Альманах «Железнодорожное дело».

Издательство «Железнодорожное дело», 2007

Борис Горбунов, «Куришки ("Литва", "Литва головастая", "Литва некрещеная")». «Рязанская энциклопедия», том 1, стр. 546-547. Издательство «Пресса», 2000

Ирина Красногорская, «Тайна куршацкого народа». «Новая Мещера», 1991

Наталья Лебедева, «Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции». «Краеведческие записки», Рязань, 1959

Соколов Д., «Туман над Мещерой». «Рязанские ведомости», 26 июля 2002

Немченко В.А, «Лесные пожары и схема выбора решений по отношению к пожарам на территории национального парка "Мещера"». «Мониторинг сообществ на горях и управление пожарами в заповедниках». Издательство ВНИИ Природы, 2002

Мельник А.Н., Пономаренко Н.В., «Из истории противопожарной службы Рязанской области. Сборник документов и статей». Издательство ИЦИОМП «М-Пресс», Рязань, 1999

Государственный архив Рязанской области, фонд Р-5, опись 2, дело 5

Василий Песков, «Лето было сухое».

«Комсомольская правда», 11 мая 1970

Василий Песков, [«Окно в природу: мещерская драма»](#). «Комсомольская правда», 7 августа 2008

Евгений Баранцев, Александр Ефанов, [«Трагедия на Курше-2»](#). «Комсомольская правда» (Рязань), 7 августа 2015

Евгений Баранцев, [«"Комсомолка" публикует первый официальный список жертв трагедии на Курше-2»](#). «Комсомольская правда» (Рязань), 4 августа 2017

Лидия Смирнова-Аблова, «Куршинская трагедия». «Новая Мещера», 28 июля 2009

Лада Петрова, [«Уроки скорбной даты»](#). «Рязанские ведомости», 29 августа 2016

[«По огненному следу»](#). «Рязанские ведомости», 8 августа 2014

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Официально она называлась Рязанско-Владимирская узкоколейная железная дорога.
2. 4,55 квадратных метра.
3. Старинная административная единица, объединяющая несколько соседних сел. В современной Латвии есть административная единица с очень похожим названием — pagast.
4. На тот момент Курша входила в состав Московской области, Рязанская будет образована только 26 сентября 1937 года.
5. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностраннных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, НКО и редакции независимых медиа. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Городская общественная организация "Рязанское историко-просветительское и правозащитное общество "Мемориал"» внесена Минюстом в «реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента».
6. Сам Извеков будет расстрелян в 1938 году.
7. 23 февраля 1930 года.
8. Был образован в составе Московской области в 1929 году, а через год упразднен.
9. Он будет расстрелян в феврале 1939 года.
10. В среднем одного кубометра хватает на 7 квадратных метров жилой постройки.
11. Райфинотдел.
12. Бездействие власти, то есть невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, а равно халатное отношение к службе.
13. Возложение обязанности загладить причиненный вред было предусмотрено УК 1922 года (в редакции 1926 года) как отдельная мера наказания (социальной защиты).
14. В широком смысле слова, любой выделяющийся из окружающего ландшафта участок местности. Здесь: территория покинутого поселка.

